

— Ло Жун Цыдань!

Крик, прозвучавший посреди бескрайней снежной равнины, был тут же подхвачен и разорван ветром в клочья, обратившись в едва слышный шёпот.

— Ло Жун Цыдань!

Голос становился всё ближе.

Если пойти на него, то на белоснежном полотне земли можно было различить тёмную точку, словно каплю туши, возникшую из ниоткуда.

Нужно было подойти совсем близко, чтобы в метели разглядеть, что это был человек, волочивший за собой тушу волка.

Мороз навеки запечатлел зверя в мгновении смерти. Кровь его ещё не успела вытечь до конца, тело оставалось сильным, но глаза были широко распахнуты, словно он увидел нечто невообразимо страшное.

В небе кружил ястреб, охраняя своего хозяина. Стервятники тоже следили с жадностью, но так и не решались спуститься.

Услышав позади стук копыт, самка ястреба настороженно обернулась.

Человек на земле свистнул, и птица тут же прекратила полёт, опустившись ему на плечо. Он был одет в тяжёлую шубу из чёрной лисы и лисьей шапку, из-под которой виднелись только глаза. Снег покрывал его с головы до ног, даже на ресницах намёрзли льдинки.

Это был Линь Цзыхань.

— Ло Жун Цыдань!

Всадник наконец догнал его, подстраивая шаг лошади под темп идущего.

— Ты снова ходил к своему приёмному отцу и брату?

Линь Цзыхань взглянул на него, что было равносильно молчаливому согласию.

— Но ты же был там только вчера вечером! Пойдём со мной, буран сегодня слишком сильный. Если тебя не засыплет, то ты просто замёрзнешь насмерть!

Линь Цзыхань помахал ему волчьим хвостом.

— Я должен почтить их память самой свежей добычей.

Всадник на мгновение замолчал, а потом пробормотал:

— Все, кто носит фамилию Ло Жун, такие упрямые.

— Что ж, удачи тебе! — Он развернул коня и крикнул на прощание: — Только не заставляй меня копать третью могилу для вашей семьи!

Это место и впрямь походило на кладбище.

Линь Цзыхань сел между двумя холмиками, и, стоило ему замереть, как снег плотно укрыл его, превратив в свежий безымянный курган.

Он смотрел на внезапно начавшуюся метель и думал, что, возможно, в этом мире действительно существует судьба.

Иначе почему каждый раз, когда ему предстояло что-то потерять, небеса заранее осыпали его траурными деньгами из белой бумаги?

В такую же метель он покинул вечное блаженство, о котором говорилось в учениях, и пришёл в этот мир, где каждый был обречён на страдания. И в такую же метель он простился с последними родными: приёмный отец умер от тоски, а брат — от неизлечимой болезни.

Обе похоронные церемонии прошли зимой, и снег стал их саваном.

А теперь — снова внезапная метель.

Вчера вечером, когда эта снежная равнина ещё была зелёным лугом, он лежал здесь, заложив руки за голову, и смотрел на звёзды. Они, казалось, склонялись к нему, мерцая, словно перешёптываясь о чём-то сокровенном.

Именно в тот момент ему позвонил Чжун Цин.

Услышав его голос, Линь Цзыхань внезапно понял, о чём говорили мириады звёзд.

Они говорили: «Я люблю тебя».

Он поспешно сбросил вызов, но голоса звёзд становились всё громче.

И в тот миг, когда он был на грани нервного срыва от этого несмолкаемого шума, он наконец осознал, от чего ему предстоит отказаться на этот раз.

Он должен был отказаться от былой ненависти и обиды на судьбу, от поисков беглецов, от ответа, за которым так долго гнался. Он должен был изменить вере, которой придерживался всю жизнь.

Отныне его богом станет тот, в кого он без памяти влюбился.

Учение гласило, что возлюбленный — его тринадцатое ребро.

Острие ножа со скрежетом, от которого сводило зубы, прошло по замёрзшей туше.

Линь Цзыхань вырезал ребро волка и, сунув эту ледяную кость за пазуху, стал согревать её теплом своего тела, растапливая кровавые следы.

Он поднялся. Снег посыпался с его плеч, и вместе с ним, казалось, упала какая-то невидимая ноша. Он бросил последний взгляд на две могилы и, без тени сожаления, ушёл.

Стервятники наконец спустились и с жадностью набросились на волчью тушу.

Такова была судьба всех живых существ в степи: смерть, разложение, а затем — возрождение.

Как и его сердце.

Чжун Цин, глядя на стол, уставленный блюдами с перцем чили, погрузился в раздумья.

Неужели это возмездие за то, что он ленился учиться готовить и за три месяца довёл Линь Цзыханя до истощения?

Чжуан Янь решил мучить его таким изощрённым способом — дразнить тем, что видишь, но не можешь съесть!

Какой же он коварный!

Как бы сильно он ни истекал слюной, приходилось считаться с ноющей болью в пятой точке. Чжун Цину оставалось лишь взять миску с кашей из красных фиников и есть маленькими ложками.

Каша была густой, финики — мягкими. После трёх месяцев еды на вынос вкус стряпни Чжуан Яня, по которому он так соскучился, показался ему божественным. Он чуть не расплакался от умиления.

В отличие от него, Чжуан Янь, сидевший перед столом, пылающим красным, аппетита не испытывал.

Мысли в его голове спутались в тугой клубок. Он впервые осознал, что такой неотёсанный мужлан, как он, тоже способен, подобно герою романа, испытывать столь сложные и противоречивые чувства.

Ему было стыдно за то, что прошлой ночью он, словно дикий зверь, потерял контроль над собой, но в то же время он чувствовал ни с чем не сравнимое удовлетворение; он сочувствовал каждой слезинке, пролитой Чжун Цином, но ненавидел каждое имя, сорвавшееся с его губ.

Сплошные чужие имена.

Он отправил в рот кусок еды, но не почувствовал вкуса. Подняв глаза, он посмотрел на Чжун Цина.

Тот, очевидно, был очень голоден и с аппетитом уплетал даже пресную кашу. Доев, он отставил миску и, подперев подбородок руками, стал наблюдать за трапезой Чжуан Яня.

В его глазах плясали беззаботные искорки — такой взгляд он прежде дарил только Линь Цзыханю.

Сердце Чжуан Яня пропустило удар, и он впервые в жизни не выдержал взгляда Чжун Цина и опустил глаза.

Но даже опустив их, он продолжал видеть перед собой этот взгляд. Внешне он оставался невозмутим, но все его мучительные терзания, любовь и ненависть, мгновенно улетучились, оставив место лишь твёрдой, уверенной радости и странной, едва уловимой застенчивости.

Он снова был вынужден признать своё поражение перед Чжун Цином. Он прекрасно понимал, что это, скорее всего, очередной излюбленный приём этого сердцеда, но всё равно добровольно попался на крючок.

— Чжуан Янь.

— М-м.

— Вчерашнее — это просто случайность. Я не придаю этому значения, и ты тоже не вини себя.

— ...М-м.

— Тогда договорились? — с надеждой спросил Чжун Цин. — Будто ничего и не было. Кто вспомнит, тот щенок?

Чжуан Янь стиснул зубы так, что заходили желваки.

Друзья детства, пьяная ночь... Для других это могло бы стать поворотным моментом в судьбе, а для этого убудка — всего лишь случайность, о которой и упоминать не стоит?

Он долго молчал. Чжун Цин уже собирался спросить снова, как вдруг его телефон завибрировал.

Сообщение в мессенджере.

Линь Цзыхань: «Я вернулся».

— Ого, — удивился Чжун Цин, — Цзыхань вернулся? А где он был?

Не успел он договорить, как в памяти всплыли обрывки воспоминаний — кажется, кто-то шептал ему ответ на ухо.

— Ах, так он вчера был в степи! — догадался он. — Неудивительно, что не смог прийти.

Он так обрадовался, что чуть не вскочил.

— Чжуан Янь, это же прекрасно! Цзыхань не то чтобы не хотел на мне жениться, он просто не мог приехать!

В его глазах горел такой восторг, который не шёл ни в какое сравнение с той скупой улыбкой, что он подарил Чжуан Яню.

Чжуан Янь почувствовал мучительную боль, словно тысячи муравьёв грызли его изнутри.

Позже он узнает, что имя этой боли — ревность.

Бог судит людей за семь смертных грехов. Лень, чревоугодие, похоть, гордыня, жадность, гнев — всё это можно понять, ведь они либо утоляют внутреннюю пустоту, либо помогают избавиться от накопившихся обид.

И только ревность делает пустоту ещё более пустой, а обиды — ещё более горькими. Она — причина слабости слабых и доказательство бессилия бессильных.

Спина заныла, словно он снова вернулся в детство, стоя на коленях перед иконой и чувствуя, как пропитанный святой водой кнут раз за разом опускается на его плечи.

Святая вода и порка смыли с него грехи зверя, а теперь в нём проросли грехи человека.

Почему?

Почему он дошёл до такого?

Раз уж Чжун Цин может так легко пренебречь их десятилетней дружбой, то почему он должен о ней заботиться?

— Чжун Цин.

— А?

— Ты не хочешь, чтобы я нёс за тебя ответственность. Хорошо, — Чжуан Янь поднял глаза и посмотрел на него тяжёлым взглядом. — Но ты должен нести ответственность за меня.

— ...Чжуан Янь, ты в порядке?

Чжун Цин, словно услышав какую-то небылицу, рассмеялся.

— Ты же Чжуан Янь, старший сын семьи Чжуан, будущий наследник корпорации «Чжуан». Зачем тебе, чтобы кто-то нёс за тебя ответственность?

— Ты не согласен?

— В этом нет необходимости.

— Очень хорошо, Чжун Цин, — тихо произнёс Чжуан Янь, и в его голосе прозвучала сдерживаемая ярость. — Ты всегда говорил, что тебе не нравится, когда я тебя контролирую. Я покажу тебе, на что я способен. Я могу оформить тебе академический отпуск, даже без твоего присутствия. Никто не усомнится в моих словах.

Чжуан Янь встал. Стул с отвратительным скрежетом отодвинулся по полу.

— Я могу запереть тебя и не позволить видеться ни с кем. И никто не удивится, даже самые преданные тебе работники на конюшне не проронят ни слова. Потому что все они знают, что ты — безответственный ублюдок.

Он медленно приближался, глядя, как Чжун Цин, ошеломлённый его непривычной жестокостью, замер, забыв о бегстве. Зрачки его от изумления слегка расширились.

— Я также могу отправить Линь Цзыхана обратно в степь. Одно моё слово — и он даже из аэропорта не выйдет, как его посадят на обратный рейс. Его заграничные документы аннулируют, и ни одна строительная компания не возьмёт на работу человека без диплома. Я сделаю так, что у него не будет возможности даже месить цемент. Как он пять лет назад ушёл из степи, так он туда и поползёт обратно.

Он остановился прямо перед Чжун Цином, вклинив колено между его ног и отрезав последний путь к отступлению.

Он нежно провёл рукой по гладкой, как нефрит, щеке.

— Чжун Цин, ты всё ещё не хочешь нести за меня ответственность?

— Чжуан Янь, ты сошёл с ума? — Чжун Цин растерянно поднял на него глаза, почти потеряв дар речи. Он чувствовал, как прикосновение к его лицу становится всё более дерзким, полным неприкрытого желания. — О чём ты говоришь?

— Ты действительно не понимаешь, Чжун Цин? Если бы не я, ты думаешь, ты мог бы сейчас так беззаботно крутить романы?

Чжуан Янь схватил его за подбородок и, наклонившись к самому уху, прошептал:

— Ты так красив, что любой, кто увидит тебя впервые, влюбляется без памяти. Ты знаешь, какими отвратительными взглядами смотрели на тебя люди после смерти твоих родителей? Ты знаешь, что твои, как ты думал, невинные одноклассники, смотрели на тебя точно так же, как и те люди?

Он наклонялся всё ближе. Чжун Цин отвернулся, и поцелуй пришёлся в уголок губ. Это произошло наяву, Чжуан Янь всё-таки сделал это.

Сердце Чжун Циана бешено заколотилось.

«Система! Система! В Чжуан Яня кто-то вселился!»

«В этом мире такого сюжета нет».

«Тогда почему он вышел из роли?!»

«Раз сюжетная линия мира это допускает, значит, главный герой не нарушил свой образ».

Не нарушил образ, значит, все эти слова Чжуан Янь — чистая правда?

В голове Чжун Цина пронёсся ураган мыслей, воспоминания с самого детства нахлынули разом. Он вдруг понял, что взгляд, которым сейчас смотрел на него Чжуан Янь, был ему знаком: спокойный, холодный, с тёмным течением под поверхностью.

Просто раньше он никогда не смотрел в эти глаза так близко и не знал, что это тёмное течение на самом деле — бушующий океан, полный любви, ненависти и желания.

Ему стало страшно до мурашек. Как долго Чжуан Янь смотрел на него таким взглядом?

— Чжуан Янь... ты что... влюблён в меня?

Чжуан Янь, увидев его испуганное, как будто он призрака увидел, лицо, так разозлился, что захотелось его задушить.

— Зачем так льстить себе?

Сквозь всепоглощающую ревность и ненависть он произнёс:

— Мне просто нравится твоё тело.

<http://bllate.org/book/16114/1591342>